

Судьба

Кайрату Каримову

О, наука души —
через боль прорасти,
обретая с годами
особую стать.
Восходить одиноко
сквозь страх и сквозь ложь,
даже толком не зная,
зачем ты растешь.
Пробивать нежным темечком
адскую твердь,
не заметив во тьме,
как пророс через смерть.
И взойти, наконец,
среди рассветных вершин.
И увидеть, что ты — не один.
Не один!..

Осанна

Сквозь солнце дождик шалый брызнул —
а как тайга заволновалась!
По-детски радуется жизни,
благодаря ее за малость.

Как вдохновенно, живописно
подрост в лесу и травы в поле
поют осанну вечной Жизни —
и не желают помнить боли.

И нет ни капли укоризны
в надломленной и вновь расцветшей
черемухе...

где все вокруг —
ершистое, угластое:
попробуй подойди,
дотронься ласково
да похвали его, растрепу,
искренне —
обрызгает, ошеломит
и высмеет.
Весь на ветру —
в лицо дожди и градины,
весь на виду:
прыщи, веснушки, ссадины...
Тут — хлябь,
там — хлам
и рядом —
ах! — в росе
малыш-подснежник
во вселенском хаосе...

Мой мир, мой отрок трудный —
что теперь?
Апрель не делят
на метель и оттепель,
весна не знает
перехода плавного:
в ней все — по вдохновенью,
все — внепланово!

Алле Мещеряковой

Люблю людей, которые растут,
которых не страшит мещанский суд,
которые единственною властью
негромкий голос сердца признают.

Люблю людей, которые растут
и, оступаясь, падая, — встают.
И знают цену и любви, и дружбе,
поскольку сами их не предают.

Спроси людей, которые растут:
зачем они себя не берегут?
На острие, на грани, на пределе —
зачем непоправимо сердце рвут?

Они молчат устало, но — идут.
Их даже те, кто любит, не поймут.

Сады растить — нелегкое призванье,
растить себя — нечеловечий труд.

Люблю людей, которые растут...

Закрытый город

Открыт закрытый порт Владивосток...

В. Высоцкий

Это город особого знания и зренья,
обостренного чувства вершины и края.
Он на стыке стихий, словно стихотворенье,
всякий раз по-иному в душе прорастает.

Здесь, на росстани ярких, свирепых столетий,
в эхе битвы и бунта и стонов «доколе?!»,
он стоит, замерев перед ласковой этой,
невозможною близостью счастья и воли.

А века на волнах, как венки, отплывают.
И тяжелые плечи отцовских погостов
город молча возносят над краем, над хаем
всех, кому не по нраву он и —

не по росту.

Окна в космос открыв, как кингстоны «Варяга»,
неподвластен своим и чужим самураям
он, наследник твердынь, крестник флотского стяга,
знаменосец России, дошедшей до края...

Хмель лазури и воли — навек в его генах.
Русский сын сотен наций, сродненных судьбою,
он эпохе любой платит высшую цену
за одно только право остаться собою.

Ваша Светлость

Яблони клонят налитые ветви,
кот на завалинке дремлет вполуха.
Анна Антоновна с улицы Светлой
чинит, как может, крыльцо-развалюху.

К ночи управится с помощью Божьей.
Внук обещался, да что-то все нету...
День-то какой: благодатный, погожий —
славная смена холодному лету.

На разговоры о зле, о корысти
Бабушка Анна не отвечает:
молча срезает созревшие кисти,
молча косички из лука сплетает.

Молча несет одинокую старость.
Даже хворает с достоинством, молча.
Вся для других ее тихая жалость:
— Доча, ниче... Образуется, доча.

И потаенная нежность, несмелость
мне не позволит сказать от души ей:

— Анна Антоновна,
Ваша Светлость,
если б не Вы —
что бы стало с Россией?

Третья Отечественная

Вдоль строя великих столетий
по главным дорогам страны
идут рядовые третьей
Отечественной войны.

Войны, о которой не знали,
что это — война во плоти:
без боя почти все отдали,
почти проиграли...
Почти.

Враг гением был. Но не ведал,
спеша уничтожить народ,
что, подло глумясь над Победой,
нам силу и ярость вернет.

Немного в истории нашей
столь грозных, отчаянных лет,
когда призываем мы павших —
на помощь и на совет.

Когда в спину бесов несметных
в рассветный спасительный час
ударил полк наших, бессмертных —
Как нечисть рванула от нас!

Полк шел от Камчатки до Курска
и дальше на запад во мгле

нес правду: цены, выше русской,
нет в мире за жизнь на земле.

Война не закончена эта —
и полк продолжает идти
по всем континентам планеты.
Но верится: мы до рассвета
почти достояли.
Почти...

Вдали от рая

Мне все напасти и ненастья
Знакомы — ну и что с того?
Спасибо, Господи, за счастье
Быть частью мира твоего!
За счастье жить вдали от рая,
Заякорясь судьбою всей
Здесь, на светлейшей из окраин
Отчизны облачной моей,
Где плечи расправляют рано,
Где риск, размах и взгляд иной:
С утеса купол океана,
Как с борта шатгла шар земной —
Так близок в остром звездном свете,
Что жаждет взмыть с отвесных круч,
В просвет меж вечностью и смертью
Души моей зеленый луч...

...Здесь солнечное соло ветра
Подарит мне свой лучший блюз,
Когда не пеплом — сгустком света
В родные небеса вернусь.

Владивостоку

Я люблюсь тобой
со скалы, в этом старом дворе,
что орлиным гнездом
нависает, кренясь, над волнами.
Город мой восходящий,
взмывающий на заре
альбатросом
над гребнем туманных цунами!

Сколько раз над тобой
лютовали, сшибаясь, шторма,

и казалось, что ты
неминуемо сгинешь в пучине...
Но на склонах крутых
развернулись, как флаги, дома, —
и блистают в ночи,
Млечный Путь проложив по вершинам.

Сколько жертв ты принес,
сколько выплатил карме долгов —
только вольный твой нрав,
непохожесть твою — не простили...
Отчего столько радуг
встает от твоих берегов
над усталой,
теряющей веру Россией?

Здесь, вдали от столиц,
ты превыше знамен и крестов.
И в стремительных грозах
пасхального мая
пусть лучистые крылья
твоих долгожданных мостов
над безумием века
тебя поднимают...

Похвальное слово недругам

Недрузьями нужно дорожить.
Их, поверьте, надо заслужить:
Что-то написать или построить,
словом, — настоящее свершить.

Многолетний недруг — это клад.
Он верней, чем лучший друг и брат,
каждый шаг твой и любое слово
будет помнить много лет подряд.

Он дотошен и неутомим
до того, что тошно рядом с ним.
Но на горних тропах к совершенству
он, как тренажер, незаменим.

Он — твое сверхзнание о себе,
Божия отметина в судьбе,
Тяжкий крест и щедрый дар Господень,
вечный стимул к росту и борьбе.

Он отнюдь не бездарь, не слабак,
Но, шлифуя дух твой так и сяк,

он с годами попросту сотрется,
не сознав, что творчески исеяк.

Пожалей бескрылого, прости.
Он, как мог, помог тебе расти...

Ода сестре

Гале Назаровой

Моя сестра над тестом ворожит,
Румяна, и строга, и вдохновенна,
Как будто жизнь из хаоса творит
И нет важнее дела во Вселенной,
Чем сочетать муку и молоко,
Вводить неспешно яйца, сахар, дрожжи —
Все на глазок, уверенно, легко —
Так, что не любоваться невозможно.

Моя сестра над тестом ворожит —
В муке и лоб, и щеки от усердства.
А за окном веселый дождь бежит,
воркуя ручейками, к дому детства,
где мы и впрямь росли, как на дрожжах,
всеобщие кузены и внучата,
где снедь на стол несли в цветных тазах
с картошкой, рыбкой жареной, салатом

и — пирогами!
Триумфальный труд:
на то и тесто с ночи затевали,
чтобы пятнадцать душ за пять минут
наутро тазик пирогов умяли —
пушистых, сочных, тающих... Нет слов
для этой золотой страницы сердца,
для тайны теплой, что из детских снов
моей сестренке перешла в наследство.

Ах, как она над тестом ворожит —
свята стихия внутреннего жара!
И воздух, светлой мистикой прошит,
струится, как стекло, над тротуаром.
А над кастрюлей облако растет,
клубясь, как над июльскими лугами.
И липа, обсыхая, цедит мед.
И в мире — мир.
И пахнет пирогами...

Сергею Швецу

Чуть слышный голос молвит: «Иди» —
и путь проступит во мгле.
Я верю, друг мой: все впереди,
пока мы здесь, на земле.

И время можно направить вспять,
картошку испечь в золе,
и всех, кто дорог, собрать, обнять,
пока мы здесь, на земле.

Быть может, в жизни важней нет дел,
чем слушать, забыв все дела,
как песни, которые прадед пел,
взлетают под купола
кедров лучистых в памятный час
И душу нежат в тепле...
Друг мой, я знаю: крылья у нас
растут лишь здесь, на земле.

Они растут как вызов судьбе,
Растут на пределе сил,
чтоб нам Божий замысел о себе
исполнить, не исказив.

Чтоб выстрадать правду
в сердце своем
о счастье, добре и зле —
пока мы любим,
пока живем,
пока мы здесь, на Земле...

День отца

Какая редкость — дома все мужчины:
Отец, и муж, и оба взрослых сына,
И двое внуков на траве играют,
Где пес блаженно дремлет у сарая.

Какая радость — собрались мужчины:
Стучат, строгают, рубят, пилят, чинят...
А солнце поднимается все выше,
И стол накрыт в тени под сенью вишен.

День будет добрым, долгим, ненапряжным.
И будет в сердце так тепло, так ясно.

И будет небо мирное бездонно...
Какое счастье — все мужчины дома!

Семья

Гене и Свете Кунгуровым

Всех нас, творцов одиночества,
манит своя колея.
Но самый трудный вид творчества —
это семья.

Некогда ждать вдохновения
в редком мерцании слов,
все здесь за гранью: терпение,
труд и любовь.

Дни — как сверхсложные арии:
голос сорвется порой.
Книга, где каждый
и автор, и —
главный герой.

Вечное валянье, зодчество,
звездный венец бытия...
Самое главное творчество —
это семья.

Подарки

Ключи от счастья — не в руках гадалки.
Тому, кто любит, — карты не важны.
Судьба моя богата на подарки,
которым нет названья и цены.

Они — не вещи, не сиюминутки,
Не гордый склеп добротного добра.
Любые сумасшедшие покупки
пред ними — золотая мишура.

Когда душе бывает одиноко,
я вспоминаю их — и так тепло...
Не надо — зуб за зуб,
За око — око.
Пусть будет свету — свет,
Добру — добро,

Любви — любовь...
Ведь сердце — не арена,
а сад, где руки нежные нужны.
И для него лишь то имеет цену,
чему, как солнцу,
в мире нет цены.

Крылья

Детям моим посвящаю

Вахте матерей — смены нет.
В свитке судеб, в книге путей
самый эксклюзивный сюжет —
вырастить из деток людей...

Средь штормов, авралов, тревог,
путая рассвет и закат,
спрячешь все мечты под замок,
крылья — под измятый халат.

Мне судьбы желали другой —
чтобы жизнь полетом была.
Бог слышал: в небе со мной
мальчики мои — два крыла!

Кто любви желал мне иной,
вольной, как смычок скрипача, —
гляньте, как летят над волной
девочки мои — два луча!

Здесь, на мачтах, средь облаков,
Не страшит кренящийся борт.
О, крылатый росчерк веков:
«Счастье — это путь, а не порт»!

Только — путь.
А легких путей
матерям Господь не дает.
Парус счастья соткан из дней,
где вернутся нам от детей
и любовь,
и свет,
и полет...

В любых испытаньях,
в любую эпоху
есть мужество жить
до последнего вздоха.
В подачках судьбы
не искать утешенья,
по высшему счету
платя за прозренья,
за выбор пути,
за бессмертную строчку,
за право поставить
последнюю точку —

в соавторстве с Богом...

